

То, что у тебя в голове

Они приходят в темноте. Они барабанят в дверь. Они орут. Это отец впускает их или они вламываются к нам силой? Кто они — немецкие солдаты или нилашисты? Ничего не могу разобрать в шуме, который резко меня разбудил. Во рту еще сохранился вкус пасхального вина. Солдаты врываются в спальню, объявляя, что нас забирают из дома и куда-то переселяют. Нам разрешено взять один чемодан на четверых. Мама тотчас начала собираться, а я никак не могу прийти в себя и сойти с раскладушки, которая стоит в ногах родительской кровати. Не успела я опомниться, а она, уже одетая, перерывает все на верхней полке шкафа в поисках коробочки, где хранится Кларин «чепец» — кусочек водной оболочки плода, или амнион, который, когда родилась Клара, покрывал ее голову и лицо, словно шлем. Раньше повитухи забирали амнионы и продавали морякам как оберег от утопления. Мама боится класть коробочку в чемодан, упрячивает поглубже в карман пальто — талисман на удачу. Не знаю, берет ли она «чепчик» как оберег для Клары или для того, чтобы защитить всех нас.

— Скорей, Дицу, — торопит она меня. — Вставай, одевайся.

— Правда, в одежде твоя фигура особенно лучше не станет, — шепчет Магда. Никакой передышки от ее поддразниваний. И как я пойму, что пришло время по-настоящему бояться?

Мама уже на кухне, собирает остатки еды, кастрюли и сковородки. Собственно, мы будем выживать две недели на припасах, которые она сейчас собирается взять с собой: немного муки, немного

куриного жира. Папа ходит по спальне и гостиной, достает книги, подсвечники, одежду, что-то откладывает. «Принеси пледы», — кричит ему мама. Думаю, если у него был бы один птифур, он обязательно взял бы его в дорогу, лишь бы только с радостью потом отдать его мне и увидеть хоть на краткий миг удовольствие на моем лице. Слава богу, мама более практична. Когда она была еще ребенком, то заменила мать своим младшим братьям и боролась с голодом долгие месяцы горя. *Бог мне свидетель*, — возможно, думает она, собирая вещи, — *я никогда больше не буду голодать*. И все-таки мне хочется, чтобы она бросила посуду, все эти вещи для выживания, вернулась в спальню и помогла бы мне одеться. Я хотела, чтобы она хотя бы просто меня позвала. Сказала бы, что надеть. Сказала бы не переживать. Сказала бы, что все хорошо.

Солдаты громко топают сапогами, автоматами переворачивают стулья. Быстрее! Быстрее! Вдруг я чувствую злость на маму. Она спасла бы сначала Клару, а потом меня. Она с большей охотой будет рыться в кладовке, чем возьмет меня за руку в темноте. Мне придется в чем-то другом искать для себя опору и надежду. Несмотря на прохладу темного апрельского утра, я надеваю тоненькое голубое платье из шелка, то самое, которое было на мне, когда Эрик меня поцеловал. Провожу пальцами по складкам. Завязываю узкий голубой замшевый пояс. Я буду носить это платье, чтобы однажды его руки снова обняли меня. В этом платье я буду оставаться желанной, защищенной, готовой вернуть свою любовь. Если я буду дрожать, оно будет эмблемой моей надежды, знаком того, что я верилась чему-то глубокому, лучшему. Я представляю, как Эрик и его семья тоже одеваются и суетятся в темноте. Я чувствую, что он тоже думает обо мне. Поток энергии заполняет меня от макушки до пальцев ног. Я закрываю глаза и обхватываю себя ладонями, давая свету, оставшемуся от этой вспышки любви и надежды, согреть меня.

Но уродливое настоящее вторгается в мой мир. «Где ванная?» — один из солдат кричит на Магду. Моя любящая покомандовать, саркастичная и кокетливая сестра съезживается под его свирепым взглядом. Я раньше не видела, чтобы она чего-то боялась. Она никогда не упускала возможности кого-то раздражить и рассмешить. Ни взрослые, ни любые начальники никогда не имели над ней власти. В школе она не вставала, как положено, когда в класс входил

учитель. «Элефант», — однажды наш учитель математики, человек очень невысокого роста, сделал ей замечание, назвав по фамилии. Моя сестра встала на цыпочки и осмотрелась вокруг. Потом поглядела на него: «Ой, вы там? А я вас не заметила». Но сегодня мужчины вооружены. Она не делает резких комментариев, не отпускает бунтарских язвительных замечаний. Она робко указывает на дверь ванной вниз по коридору. Солдат отпихивает ее с пути. У него оружие. Разве ему нужно как-то еще доказывать свое превосходство? Тогда-то я начинаю понимать, что всегда может стать намного хуже. Что в каждом мгновении есть потенциал насилия. Мы не знаем, когда и как мы сломаемся. Но если делать, что тебе говорят, это может и не спасти.

— На выход. Быстро. Пришло время немного покататься, — говорят солдаты.

Мама закрывает чемодан, и папа его забирает. Мама застегивает свое серое пальто и первая выходит за командиром на улицу. Следующая я, потом Магда. Но прежде чем мы подойдем к фургону, который ждет нас у края тротуара, я оборачиваюсь, чтобы увидеть папу, покидающего дом. Он стоит лицом к двери с чемоданом в руке, с растерянным видом; путешественник-полуночник, хлопающий себя по карманам, проверяющий ключи. Солдат выкрикивает оборванное ругательство и резко открывает ногой дверь.

— Давай, — говорит он. — Взгляни напоследок. Полюбуйся.

Отец смотрит в темное пространство. На секунду он кажется сбитым с толку, как будто пытается понять: солдат проявил великодушие или жестокость? Затем солдат пинает его в колено, и папа, хромая, идет к нам — к фургону, где сидят другие семьи.

Во мне смешались желание защитить родителей и сожаление, что они больше не могут защитить меня. *Эрик*, — молю я про себя. — *Куда бы мы ни направлялись, помоги мне найти тебя. Не забывай о нашем будущем. Не забывай нашу любовь.* Мы сидим рядом с Магдой на голых скамьях. Сестра не произносит ни слова. В моем списке сожалений особенно выделяется одно: я тогда не взяла сестру за руку.

Забрезжил утренний свет, наш фургон подъезжает к Якабскому кирпичному заводу, стоящему на окраине города, и нас стгоняют внутрь. Нам повезло: мы оказались среди тех, кого привезли первыми,

поэтому нас размещают в сушильных сараях. Большинство из почти двенадцати тысяч заточенных здесь евреев будут спать без крыши над головой. Все мы будем спать на полу. Накрываться своими пальто и дрожать от весеннего холода. Научимся закрывать уши, когда людей будут бить посреди лагеря за малейшие проступки резиновыми дубинками. Водопровода здесь нет. Ведро с водой, которых всегда недостаточно, привозят на конных повозках. Поначалу продовольствия — в том числе оладий, которые мама делает из взятых из дома остатков, — хватает, чтобы нас прокормить, но уже через несколько дней голодные боли перерастают в постоянную судорожную дрожь. Магда видит свою школьную учительницу физкультуры в соседнем бараке. В этих условиях голода женщина пытается прокормить новорожденного ребенка. «Что мне делать, если у меня закончится молоко? — жалуется она нам. — Мой ребенок плачет и плачет».

Лагерь разделен на две части, по обеим сторонам улицы. На нашей стороне живут евреи из нашей части города. Мы узнаем, что здесь, на кирпичном заводе, держат всех евреев Кашши. Мы встречаем наших соседей, владельцев магазинов, учителей, друзей. Но моих бабушки и дедушки, чей дом был в тридцати минутах ходьбы от нашего дома, нет на нашей стороне лагеря. От другой части нас отделяют ворота и охрана. Нам не разрешено туда переходить. Но мне удается уговорить надзирателя, и он разрешает мне пойти поискать родственников. Я иду через бараки без стен, тихо повторяя их имена. Бродя туда и обратно между уютящимися семьями, я произношу и имя Эрика. Я говорю себе, что это лишь дело времени и терпения. Я найду его, или он найдет меня.

Я не нахожу ни бабушки, ни дедушки. Не нахожу Эрика.

Но однажды вечером, когда приезжают повозки с водой и люди толпами бегут набрать себе хотя бы ведро, Эрик высмотрел меня, пока я сидела в одиночестве и охраняла наши пальто. Он целует меня в лоб, щеки, губы. Я трогаю свой замшевый пояс на платье, восхваляя его за принесенную удачу.

После этого нам удается видеться каждый день. Иногда мы размышляем, что с нами произойдет дальше. Распространяются слухи, что нас отправят в место под названием Кеньермезо, лагерь для интернированных, где мы будем работать и переживать войну с нашими семьями. Мы не знаем, что этот слух пустили венгерская

полиция и нилашисты, дав ложную надежду. После войны в почтовых отделениях будут горами лежать пачки неоткрытых писем от обеспокоенных родственников из далеких городов. В поле для адреса на них значится *Кеньермезо*. Такого места нет.

А те места, которые существуют и где ждут прибытия наших поездов, сложно вообразить. *После войны*. Это время, о котором мы с Эриком позволяем себе думать. Мы поступим в университет. Переедем в Палестину. Откроем салоны и книжные клубы, какие мы посещали в школе. Мы дочитаем «Толкование сновидений» Фрейда.

На кирпичном заводе нам слышно, как снаружи катятся трамваи. Они совсем рядом. Легко можно было бы запрыгнуть. Но в любого, кто подходит близко к внешней ограде, стреляют без предупреждения. Девочка чуть постарше меня пытается сбежать. Ее тело вешают посреди лагеря как пример. Родители не говорят ни слова ни мне, ни Магде о ее смерти. «Постарайтесь найти кусок сахара, — говорит нам отец. — Найдите кусочек сахара и сохраните его. Всегда носите с собой какую-нибудь маленькую сладость». Однажды мы узнаем, что наших бабушку и дедушку увезли с завода одними из первых. *Мы увидимся с ними в Кеньермезо* — так мы думаем. Я целую Эрика на ночь и твердо верю, что его губы — та сладость, на которую я точно могу рассчитывать.

Мы пробыли уже месяц на заводе, и вот одним ранним утром наш сектор эвакуируют. Я спешно ищущу кого-нибудь, кто передал бы Эрику записку. «Забудь, Дицу», — говорит мама. Она и папа написали прощальное письмо Кларе, но нет никакой возможности его отправить. Я смотрю, как мама выбрасывает его, стряхивает на дорогу, как сигаретный пепел, и оно исчезает под тремя тысячами пар ног. Шелк платья касается моих ног, наш поток то движется рывками, то останавливается, движется и останавливается, и нас ведут колоннами к воротам завода и втискивают в стоящие длинной цепочкой фургоны. Нас снова сбивают в кучу во тьме. Перед тем как фургон тронется, я слышу свое имя. Это Эрик. Он зовет меня через доски сбоку фургона. Я пробираюсь к нему на зов.

— Я здесь! — кричу я под звук заводящегося мотора. Расстояние между досками слишком узкое, чтобы я смогла его увидеть или дотронуться до него.

— Я никогда не забуду твои глаза, — говорит он. — Я никогда не забуду твои руки.

Я беспрерывно повторяю эти фразы, когда мы заходим в переполненный вагон на железнодорожной станции. Сквозь его успокаивающий голос, звучащий в моей памяти, не слышны ни крики надзирателей, ни плач детей. *Если сегодня я выживу, я смогу посмотреть ему в глаза, показать ему свои руки.* Я дышу в ритм с этим заклинанием: «Если сегодня я выживу...» *Если сегодня я выживу, завтра я буду свободна.*

Вагон не похож на те, в которых я ездила раньше. Это не пассажирский поезд, в нем перевозят домашний скот или грузы. Мы человеческий груз. Нас по сотне в вагоне. Каждый час ощущается как неделя. Неопределенность растягивает минуты. Неопределенность и непрекращающийся стук колес по рельсам. На восьмерых одна буханка хлеба. Одно ведро воды на всех. Одно ведро для отходов нашей жизнедеятельности. Пахнет потом и экскрементами. Люди умирают в дороге. Мы все спим стоя, привалившись на наших родственников, вытесняя мертвых. Я вижу, как мужчина дает что-то своей дочери — это упаковка таблеток. «Если они попробуют что-то с тобой сделать», — говорит он. Время от времени поезд останавливается, и несколькими людям из каждого вагона приказывают выходить за водой. Один раз воду приносит Магда. «Мы в Польше», — вернувшись, говорит она. Позже она объясняет, как это поняла. Когда вышла за водой, какой-то человек в поле приветствовал ее на польском и немецком и выкрикивал, бешено жестикулируя и проводя пальцем по горлу, название города. «Просто пытается нас запугать», — спокойно говорит Магда.

Поезд идет и идет. Родители привалились ко мне с обеих сторон. Они не разговаривают. Я не видела, чтобы они дотрагивались друг до друга. Папина борода седеет. Он выглядит старше своего отца, и это меня пугает. Я умоляю его побриться. Откуда мне было знать, что молодость может даже спасти жизнь, когда мы прибудем в конечный пункт нашей поездки? Это просто интуитивное чувство, просто девочка скучает по тому отцу, которого знает, мечтая, чтобы он снова был жизнелюбом и весельчаком, галантным ухажером, любимцем женщин. Я не хочу, чтобы он стал таким отцом, который пьет таблетки и ворчливо сообщает семье: «Это хуже, чем помереть».

Но когда я целую папу в щеку и говорю: «Папа, пожалуйста, побрейся», он отвечает мне с раздражением: «Зачем? Зачем? Для чего?» Мне стыдно, что я сболтнула что-то не то и заставила его на меня злиться. Почему я сказала такую неуместную вещь? С чего я решила, будто имею право говорить отцу, что ему делать? Я вспоминаю, в какой он был ярости, когда я потеряла деньги для оплаты учебы. Ища утешения, я прислоняюсь к маме. Я хотела бы, чтобы мои родители протянули руки друг другу, вместо того чтобы сидеть словно чужие. Мама почти ничего не говорит. Не стонет жалобно. Она не испытывает желания умереть. Она просто уходит в себя.

— Дицука, — говорит она однажды ночью, — послушай. Мы не знаем, куда нас отправляют. Мы не знаем, что будет дальше. Просто запомни: никто не отнимет то, что у тебя в голове.

Я засыпаю и вижу еще один сон про Эрика. И снова просыпаюсь.

Они открывают двери товарных вагонов, и внутрь хлещет яркое майское солнце. Нам отчаянно хочется выйти. Мы бросаемся к воздуху и свету. Мы буквально вываливаемся из вагона, наталкиваясь друг на друга в стремлении скорее выйти. После нескольких дней бесконечного движения поезда трудно стоять прямо на твердой земле. Мы пытаемся во всех смыслах сориентироваться в пространстве: определить наше местоположение, вернуть душевное и телесное равновесие. Я вижу сгустившуюся тьму зимних пальто — людей, сгрудившихся на узком участке земли. Я вижу на секунду мелькание белого: чей-то шарф или узелок с вещами; вижу желтизну обязательных к ношению звезд. Вижу надпись: *ARBEIT MACHT FREI**. Играет музыка. Мой папа внезапно ободряется. «Вот видишь, — говорит он, — не похоже на то, что это ужасное место». Судя по его виду, он мог бы пуститься в пляс, если на платформе не было бы

* *Arbeit macht frei* (нем. «Труд делает свободным») — лозунг, размещенный над входом многих нацистских концлагерей. Представляет собой парафраз «Истина освобождает вас» (Евангелие от Иоанна 8:32). Впервые фраза «*Arbeit macht frei*» использована немецким писателем Лоренцем Дифенбахом в названии романа (1872). Идея поместить эту фразу на воротах концлагерей принадлежит руководителю системы концлагерей Третьего рейха генералу СС Теодору Эйке. Огромная металлическая надпись над воротами концлагеря Аушвиц II (Биркенау), о которой пишет автор, отличалась перевернутой буквой В; считается, что это знак неподчинения, так как вывеску отливали польские политзаключенные.

такой толпы. «Мы только поработаем немного, пока не закончится война», — говорит он. Похоже, слухи, которые ходили на кирпичном заводе, — правда. Должно быть, мы здесь, чтобы работать. Я ищу глазами зыбь полей и представляю худое тело Эрика, наклонившегося напротив меня, чтобы обработать посевы. Вместо этого я вижу сплошные горизонтальные линии: тонкие доски вагонов для перевозки скота, бесконечная проволока на заборе, ряд низких построек. Несколько деревьев и дымоходов в отдалении нарушают ровный ландшафт этого пустынного места.

Люди в форме проталкиваются между нами. Никто ничего не обьясняет. Нам только рявкают команды. *Туда. Сюда.* Нацисты показывают направление и толкают нас. Мужчин сгоняют в отдельную очередь. Я смотрю, как отец машет нам. Быть может, их посылают вперед, чтобы они заняли место для своих семей. Интересно, где мы будем сегодня спать? И когда же мы будем есть? Мама, Магда и я стоим вместе в длинной очереди из женщин и детей. Медленно движемся вперед. Мы приближаемся к мужчине, который дирижерским жестом отправляет нас к нашим судьбам. Я еще не знаю, что этот мужчина — доктор Йозеф Менгеле*, печально известный как Ангел Смерти. Мы подходим к нему все ближе, и я не могу отвести взгляд от его глаз, таких властных, таких холодных. Когда мы совсем рядом, я вижу щель между его передними зубами, по-детски зияющую, когда он улыбается. Его голос кажется почти добрым, когда он спрашивает, есть ли здесь больные, и отправляет ответивших утвердительно налево.

— Если вам от четырнадцати до сорока, оставайтесь в этой очереди, — говорит другой командир. — Старше сорока — налево.

Длинная вереница детей, пожилых женщин и молодых с младенцами ответвляется влево. У мамы вся голова седая — она рано поседела; но мамино лицо гладкое и без морщин, как мое. Мы с Магдой крепко сжимаем ее по бокам.

* Йозеф Менгеле (1911–1979) — немецкий врач, проводивший медицинские опыты на узниках концлагеря Аушвиц. Он лично занимался отбором узников, прибывающих в лагерь, проводил преступные эксперименты над заключенными. Его жертвами стали десятки тысяч человек. После войны Менгеле бежал из Германии в Латинскую Америку, опасаясь преследований. Попытки найти его и предать суду не увенчались успехом.

Теперь наша очередь. Доктор Менгеле командует. Он указывает моей маме идти налево. Я хочу последовать за ней. Он хватает меня за плечо.

— Ты очень скоро увидишь свою маму, — говорит он. — Она только примет душ.

Он отталкивает меня и Магду направо.

Мы не знаем, что означают эти «налево» и «направо». «Куда мы теперь идем? — спрашиваем мы друг друга. — Что с нами будет?» Нас уводят в другую часть рассредоточенного лагеря. Вокруг нас одни женщины, в основном молодые. Некоторые выглядят веселыми, почти окрыленными, так они рады тому, что дышат свежим воздухом и наслаждаются солнцем после неослабевающего смрада и клаустрофобной тьмы поезда. Кто-то кусает губы. Страх распространяется среди нас, но и любопытство тоже.

Нас приводят к очередным низким постройкам. Вокруг стоят женщины в полосатых платьях. Вскоре мы узнаем, что это заключенные, которых обязали руководить другими, но пока нам трудно понять, что здесь мы узники. Я растегнула пальто под ярко светящим солнцем, и одна девушка в полосатом платье замечает на мне голубой шелк. Она подходит ко мне, склонив голову набок.

— Да вы только посмотрите на нее, — говорит она по-польски. Она пинает меня по туфлям на небольшом каблуке, с них слетает пыль. Я не успела сообразить, что происходит, а она уже тянется к маленьким коралловым сережкам в золотой оправе, которые по венгерской традиции я ношу с самого рождения. Она вырывает их, и я чувствую острую боль. Она кладет их к себе в карман.

Несмотря на физическую рану, мне отчаянно хочется ей понравиться. Как обычно, мне хочется быть принятой. От ее издевательской усмешки я чувствую большую боль, чем в порванных мочках.

— Зачем ты это сделала? — спрашиваю я. — Я бы сама тебе их отдала.

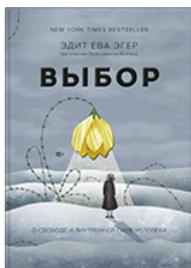
— Я здесь прогнивала, пока ты была на свободе, ходила в школу, в театры, — говорит она.

Интересно, как давно она тут. Она худая, но крепкая. Стоит с гордо поднятой головой. Она могла бы быть танцовщицей. Я удивлена, почему она так разозлилась оттого, что я напомнила ей об обычной жизни.

— Когда я увижу мою мать? — спрашиваю я. — Мне сказали, что я ее скоро увижу.

Она меряет меня холодным, колючим взглядом. В ее глазах никакого сочувствия. Ничего, кроме ярости. Она указывает на дым, поднимающийся из трубы вдали.

— Твоя мать горит вон там, — говорит она. — Можешь начинать говорить о ней в прошедшем времени.



[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

